В. Зоргинцева

НА МОСТУ

стихотворения

1922

Вера Звягинцева.

НА МОСТУ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

МОСКВА.
1922.

Настоящее издание отпечатано в количестве 1000 экземпляров в 26 Государств. Типограф. М. С. Н. Х.
Обложка работы худ. П. В. Сивкова

Р. В. Ц.

Не пастушка и не Психея,
Просто женщина в старой тоске,
Сердце на солнце грея,
Что-то пишет на белом листке.

И, бумагу свернув свирелью,
Милому другу поет,
Как страшно под злой метелью
Застывает кровь в красный лед.

И о том еще, и об этом,
И о всех пролетевших днях.
Можно звать и не звать поэтом
Ту, которая плачет в стихах.

Засыпаст день... Засыпает...
Холодная скоро постель.
Пусть-же поет, как знает,
Бумажная моя свирель.

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/namostustikhotvo00zvia

ПСИХЕЯ.

Остановилась у чужого дома;
Кусты шиповников склонились у колен.
И дом, и сад—все чуждо и знакомо.
Как долгий сон—скитанья вечный плен.

Не отзываются чужие за стенами,
Бледна на лютне тонкая рука.
А за цветущими шиповника кустами
Дорога пыльная темна и далека.

И бездны мрачной
на краю...

Пушкин.

В огромную пропасть прошлого
Осыпятся все часы;
Смотри, уже сколько скошено
Короткой земной красы.

Тесней-же, теснее руки,
Покуда ладонь тепла,
Покуда швея разлуки
Покрова не доткала.

О, как осыпаются листья,
О, как осыпаются дни!
К сердцу моему наклонись ты,
У сердца моего усни.

BIBLIOTECA SAVINE

КАРУСЕЛЬ.

В. В. Держановскому.

Крутись, вся в блестках, карусель,
Плыви мой лебедь деревянный,
Душе холодной и туманной
От пошлой польки веселей.

На свете страшно без любви,
Недуг жестокий—жить без сердца;
Пусть карусели пьяно скерцо
— Безкрылый лебедь мой, плыви.

И эти крашеные кони
Когда-то деревом цвели,
А вот плывут, плывут в пыли.
Не все-ль в одном идет законе?

Вся в блестках, круглая, крутись,
В мишурной, мертвой пестроте.
На трех-аршинной высоте,
Мой деревянный лебедь, мчись!

Летите, летите зеленые долы,
На звонницах пой моя медь;
Недолго, недолго под твердью веселой
Грустить, опьяняться и петь.

Целую, целую горячие травы;
Вдыхаю и ночи и дни...
О, счастье короткой земной переправы!
Иные брега уж видны.

Иные, иные брега ожидая,
Люблю тебя горечь моя,
Все счастье земного, несчастного рая,
Твою безысходность, земля.

Оттого, что в тень могилы
Надо будет лечь уснуть,
Я кладу, покуда, милый,
Голову тебе на грудь.

Оттого, что желтой глиной
Навсегда закроют вход
В золотистые долины,
Я тебя целую в рот.

А когда отходишь, четко
Я крещу упрямый след.
Милый, милый—там решетка,
Здесь—просторный белый свет.

Я рыбою на берегу
Плещусь в зыби песка сухого,
Я знаю, знаю, знаю слово,
Лишь выговорить не могу.

Послушайте, о, подойдите
Ко мне земные существа,
Я вам шепну едва—едва,
Лишь сердце ближе наклоните.

Я прошепчу, я проплещу
На странном рыбьем языке,
В моем убийственном песке
Я взгляд мой с вашими скрещу.

И вы поймете, может быть...
Но никого. Горит вода.
О, никогда мне, никогда
По синим блескам не поплыть.

Я рыбою на берегу
Плещусь в зыби песка сухого,
Я знаю, знаю, знаю слово,
Лишь выговорить не могу.

А всему предпочла нежный
воздух садовый.

М. Цветаева.

А я отдам всю роскошь знаний,
Всю мудрость правого пути
За Божье светлое даянье:
Вдвоем по берегу итти.

За ту безвыходную нежность,
Что звездами в душе цветет,
За роковую неизбежность,
С которой пламя станет—лед.

За все, что именем прекрасным
Любви мы на земле зовем,
За этот плещущий, неясный,
Неистощимый водоем.

А если ты любить не можешь,
Из моста шаткое бревно
В холодность вод упасть должно,
Кропленьем слез тут не поможешь.

О стены бьешь хрустальность рук,
Стучась без веры в камень голый,
Но разве буря стебель кволый
Должна беречь во имя мук?

Своей нарядною мольбою—.
— Богохулением грешишь.
Нет, не спасешься, хоть твердишь:
Любовь... любовь... я за тобою!

Всех нас, что смели пышной ложью
Любовных слов осквернить уста,
—Всех поразит нас пустота
Последней страшной карой Божьей.

Солнце—метель золотая—
Сердце кружит сном.
Как сказать тебе то, что знаю,
Каким осенить крестом?

Стань над речкою в резкий ветер.
Сквозь ветер—звон.
Все вопросы тонут в ответе:
„Жизнь есть сон".

Всхожу на мост. Бросаю руки—
— Туда, ветрам, водам, волнам.
Какой обиды иль разлуки
Не перенесть на свете нам?

Какая боль закроет очи,
Доколе не заснут навек
От беспокойной этой ночи,
Где бродит вольный человек?

К А Ч Е Л И.

Снизу и вверх, сверху и вниз
Широким размахом летят качели.
Сердце--уймись, сердце—смирись:
Только одно воскресенье в неделе.

Нам-же безумным, хочешь—не хочешь,
Праздник за праздником мир подавай,
Нам-же безумным и дни, и ночи
Чтобы звенел, зацветая, рай.

Ну, размахнем-же качели и сердце
— Снизу и вверх, сверху и вниз!
Ангел, открывший синюю дверцу,
На грешных сестер своих подивись.

Сами вы там, наверху, виноваты,
Что беспокоен наш легкий нрав:
Бросили в сердце огонь крылатый,
В мире-ж настроили мирных застав.

Ну, натянувши веревки, как струны,
С звоном в груди, на губы—смех,
Наперекор всем закатам—юны,
Сверху и вниз, снизу и вверх!

Мы на мосту. Какая-то река.
Не знаю: Рейн, Москва—река, иль Лета.
Не кровь, туман тут в жилке у виска.
И мы в стране, которой имя „где-то".

О, не Ромео, нет, и не Джульета,
Хоть нежно так лежит в руке рука,
— Пожалуй мы скорее Гензель с Гретой,
По дому дальнему такая в нас тоска.

А, может быть, имен совсем не надо,
И безымянны: речка, я и ты.
Такой текучей, нежной пустоты

Такая безымянная услада.
Два голоса во тьме. Два всплеска в океане
В тумане мы, в тумане мы, в тумане.

МОСКВЕ.

Но у меня осталось счастье,
Последняя из тонких вех,
Останки пышной гиблой снасти—
— Моя Москва, мой тихий снег.

Беру снежок в ладонь, украдкой
Целую (родину в уста),
В безмерной горечи так сладко,
Что не тревожит красота.

Замоскворечье в тихом круге
Уныло брошенных мостов—
— Моя Венеция, мой Брюгге,
Придел забвения и снов.

Ты все—огромная часовня,
Блистанье старых, темных риз.
О, сердце, будь еще безмолвней,
Еще покорнее молись.

Да, у меня осталось счастье,
Последняя из тонких вех,
Мой парус на останках снасти:
Моя Москва, мой тихий снег.

П У Ш К И Н У.

И рокотали, рокотали лиры,
Певца кудрявого приветствовал Парнас,
Когда в затишье золотого пира
Струя кастальская блистательно влилась.

Скрипели нагруженные телеги,
Бряцали в лад им бусы Мариул,
Когда под голубым сияньем Веги
Алеко у цыганских плеч уснул.

И странный сон пал на чело поэта:
Огромный зал, цветы, шелка... шелка...
И вдруг из кружев—дуло пистолета
Наводит женская прекрасная рука.

И снегом рассыпаются колонны,
А сердце так болит, а сердце так болит,
И чей-то голос, до тоски знакомый:
„Жизнь кончена .. дыхание теснит“..

От страшных снов дневная жизнь лишь
краше,
Но что-то стукнуло в груди кусочком льда,
Когда, подняв персты, прелестная Наташа
Сказала слишком роковое „да".

Судьба, судьба! Божественного барда
И нищего—молчанью одному.
Так сердце женское рукой кавалергарда
Прекраснейшую жизнь щелчком швырнуло
в тьму.

И плакали, и плакали метели,
Кустарником колючим шелестя,
Вчерашний след разостланной шинели
С ужасных мест испуганно метя.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА.

Глянцевые, черные кареты,
Тусклым блеском блещущий дворец,
Чуть ускорены биения сердец
До разсвета в ритме менуэта.

Не один из юных офицеров,
Опуская долу дерзкий взор,
Обрывает начатый узор
Свежих сплетен о высоких сферах.

Чуть склоняя лебединой шеи
Мраморный точеный стебелек,
В голубом (романтики цветок)
Входит петербургская Психея.

Нелегко такую красоту
И любовь такую за плечами
Проносить и тихими речами
Дерзновенную в других гасить мечту.

Нужно быть Мадонной величавой,
А в груди простые грусть и смех;
В прелесть юности одетый грех
Увлекает от прекрасной славы.

Там в дверях, с рассеянным Жуковским
Тот, кто так мучителен и мил,
Кто впервые сердце возмутил
Первою зимой ея московской.

Эти ручки—розоватый севр,
Как-же им сдержать судьбу такую?
А биографы сурово растолкуют,
Что несовершенен был шедевр.

Ах, сквозь кружево, сквозь пенный ко-
тильон
Что рассмотрит голубая пэри,
Если те, мудрейшие, у двери,
Не решат никак судеб закон.

А когда из мира шпор и лести
Первый в духе с первой в красоте
Скроются в каретной темноте,
Кто-то скажет: „как им трудно вместе".

ДВА ГОЛОСА

I.

Ради роз Бахчисарая,
Ради легкости вечерней
Предала ключи от рая,
Предала венец из терний.

С чем же будешь в вечер поздний,
Без детей и без отчизны?
Лягут выжатые гроздья
На изодранные ризы.

Ни Офелией, ни Анной
Не предстанешь перед Богом.
Что ж ты скажешь, призрак странный,
О своей пустой дороге?

II.

Так уж мне приснилось,
Музыка играла,
Думала: молилась,
Если целовала.

Думала: по розам
Угадать, по лире—
На какие грозы
Брошены мы в мире.

Уж такая доля,
Уж такое сердце,
Никому не боль я,
Всем была лишь ветер.

Солнце мне—отчизна,
Дети—все, кто любит,
Божьей укоризны
Не боюсь—не будет.

Если ж помешают
Мне в воротах райских,
— Я уж надышалась
Роз бахчисарайских.

О. Н. Фрелиху.

Странный гость вошел внезапно
В цирковые корридоры,
Бутафорский тухнет запад,
Оборвали марши хоры.

Акробаты все в смятеньи
Полетели вниз с канатов.
Принца Гамлета явленье,
Короля живых закатов.

Отчего такая смута,
Помутнелость в каждом взоре?
Не вино во рту—цикута,
Каждый клоун—бедный Иорик.

Странный гость, в груди налево
Отчего у Вас не бьется?
Только сзади, справа, слева
Ветер за плащем несется.

Все полотна, точно души,
С'ежились в тугие сборки,
И нежданно тишь нарушил
Голос маленькой танцорки:

„Моего вы знали ль друга,
Первый Дании боец".
И, как смерть, в средину круга,
Стукнув ручкой без колец.

Странный гость ушел внезапно
В глубь широких корридоров.
Вспыхнул бутафорский запад,
Заґремели бубны с хоров.

Стоишь, не поднимая глаз.
На веках—весь прошедший век.
Усталый. . Милый... Человек ..
Какой холодный, светлый час.

Послушай, эту боль давно
Мои предсказывали сны;
Как непреложны, как ясны
Пути всего, что суждено.

Прощай. . . Без имени копье,
Что грудь мою прошло насквозь.
Пойдем опять, шатаясь, врозь,
В свое беспутное житье.

А. БЛОКУ.

I.

Качаешься в гробу стеклянном,
И вновь тебя не пробудить,
Царевич стран, где нам не жить,
Апостол веры несказанной.

Над гробом голубые слезы
Небес, возлюбленных тобой,
Серебряной своей листвой
Лепечет тополь: sancta rosa.

Ты восставал от сна однажды
(Метели раскачали гроб),
Чтоб бросить в мир златистый сноп
Лучей, не повторимых дважды.

Ты восставал от сна, и снова
В ножны положен светлый меч.
Чуть-чуть дрожит у мертвых плеч
Край серебристого покрова.

II.

Ты предстал от всей земли несчастной
Господу заступником—послом.
И померкли ангелов бесстрастных
Лики ясные перед твоим челом.

Не о пустоте полей окрестных,
Не о гладе, море и боях—
—О тоске великой повсеместной
Говоришь пред Господом в стихах.

Ужаснулись ангелы: как страшно
На возлюбленной живой земле,
Где не помнят нынче день вчерашний,
Чистотой кичатся только в зле,

Где застыли в ледяном покое
Бешеные с виду города,
Где не умирают вместе двое,
Вместе не смеются никогда.

И впервые поняли на небе,
Отчего не стало слышно слез:
Как молиться о насущном хлебе,
Если нет насущных миру роз,

Если от негреющего света
Тайного не стало ничего,
Если все до одного—поэты,
Человека же—ни одного.

Ты стоишь и Господу пророчишь,
Ангельские трубы пополам.
Для себя ты ничего не хочешь,
Отказавшись от Прекрасной Дамы.

Стану я тебе теперь молиться,
Как Николе бабы в деревнях.
Умоли у Господа водицы,
Сохнет рот от черного огня.

Я одна средь мертвых и надменных
В нежности и страсти глухо бьюсь,
Средь высоких ледников вселенной
Позабывши солнечную Русь.

ИНЕСА.

Странную приятность
Я находил в ее печальном взоре
И помертвелых губках.....
. . . . . .
..... Бедная Инеса!

Пушкин.

Занавешены черным окна,
Меж высоких свечей—как свеча.
О, Инеса, как беззаботна
Душа твоего палача.

За гитарой, за пенноїї забавой
Вспоминает июльский ваш час;
Был к пирушке веселой приправой
Смертный ужас испуганных глаз.

Не Мадрид, и не муж, и не кара,
Что лежиш ты вот так—не дыша.
На веселье чужого пожара
Пала веткой сухою душа.

А когда помертвелые губы
Шевельнулись у тигровой пасти,
Где-то ангелы дунули в трубы,
Но Жуану одно—сладострастье.

Занавешены окна черным,
Между сцепленных пальцев—крест.
Встанешь призраком ты бессонным
У изголовий всех невест.

Станешь шелестом тяжкого платья,
Станешь темным провалом глаз
Без восторга и без проклятья
О Жуане вести рассказ.

О коварном, о милом Жуане,
О ресницах, что весла—плыви!
О июльском испанском тумане,
О любви, о любви, о любви.

ПОРТРЕТ.

Н. М. Белинкому.

Меж Пьеро и Агасфером
Разницы особой нет.
Бродит стройным кабалеро
Разуверенный поэт.

На изысканные-ль рифмы
Переложишь дней теченье,
Или в точность логарифма
Заключишь земли вращенье,

Все равно тебе, конечно,
Скорбен голос, брови скорбны,
Тихо тлеет жар сердечный
На ланитах непокорных.

Эшафот иль лаун-теннис—
—Будешь вежлив и покоен,
Никакая в мире Эллис
Не умчит тебя с собою.

Если-ж черный перстень страсти
Закует пустую руку,
Пистолета хладной пастью
Ты ускоришь сам разлуку.

Меж Пьеро и Агасфером
Разницы особой нет.
Бродит стройным кабалеро
Разуверенный поэт.

II.

Я гибну—кончено
о, Донна Анна!

Пушкин.

Каждому поэту—смертный час,
Каждому Жуану—Донна Анна.
Ветер теплый, вечер тихий—сгас,
Дует ветр широкий, океанный.

Жизни вопрошающая мощь
Вся сомкнулась в образе едином.
Вот—стою и хлещет в грудь мне дождь,
Синие вплывают в сердце льдины.

И не знаешь—смерть, или любовь,
Только свет сверкает слишком резкий
И стучит в висках уже не кровь,—
—Льдины разрывает буря с треском.

Пристальнее смотрите
В останавливающиеся глаза,
Спешите любить, спешите,—
— Скоро будет нельзя.

В великолепном бездушии,
Любители грустных строф,
Внимательнее слушайте
Муку живых слов.

Пойдете пешком на кладбище,
Над письмами просидите ночь,
А было так просто—нищему
Медным грошом помочь.

Пристальней-же смотрите
В останавливающиеся глаза.
Спешите любить, спешите,—
Скоро будет нельзя.

Л Ю Б О В Ь.

Бешеные выстрелы погони...
„Милая, о, милая, навек!
Если предадут лихие кони,
Даст нам Матерь Божия ночлег.

Шелковою лестницей с балкона
(Я ее на память захватил)
Мы до Божьего взнесемся трона
И без колыхания кадил.

Дай мне к сердцу ледяные руки,
Милая, о, милая, навек!
Не пугайся призрачной разлуки,
Даст нам Матерь Божия ночлег.“

Так в веках любовники любили
Под луной, метелью и крестом;
Так века с лица земного смыли
То, что было голубым цветком.

И, закуривая папиросы,
Мы в рифмованных сухих строках
Ныне разрешаем все вопросы:
„Мимолетность, трепет крови, прах".

И в мороженое яд не бросим,
Имени не скроем в монастырь.
Безвесенняя пустая осень
Наш холодный, зоркий поводырь.

Рыдайте флейты, виолончели,
Золото Рейна лей листопад.
На непорочной брачной постели
Ромео и Юлия смертью спят.

Тянемся мы к виденью нетленному,
Их именами венчаемся вновь,—
Нам с океана лишь брызгами пенными
Ветер доносит земную любовь.

О, Афродиты—даров расточители
Скудные крохи оставили нам:
Лишь тосковать о забытой обители,
Путь не найдя к ней по вашим следам.

КЛАРА МИЛИЧ.

Вот я сняла наряд комедиантки
Для красного веночка сонных роз,
Не мутный яд был в опустевшей склянке,
Но голубой настой полночных рос.

Сказавший „нет"—приемлешь смерти
мщенье,
Усни, не бойся, я тебе судья,—
Неизмеримо женское прощенье,
Венчальным пеньем станет лития.

Не вспоминай на сумрачном бульваре
Пустую речь дневного двойника,
Не надо плакать о несчастной Кларе
Над вырезным листочком дневника.

Вот, от удара твоего, мой милый,
Еще сейчас неровен цвет ланит,
Но над тобой звенящее кадило
Последний жар обиды остудит.

Ах, на земле прелестной не смеют
Неопалимо чрез огонь пройти,
Ах, на земле не любят и не смеют,—
Я не могла оттуда не уйти.

Усни... ты слышишь: розы... розы... розы...
Безумной Клары сестры за тобой.
Мои тобой отринутые слезы
Предстанут райской нашею судьбой.

На всех путях твоих беспутных,
На срывах самых страшных круч
Моих благословений смутных
Да будет над тобою луч.

Когда-ж сорвутся двери с петель,
И в черном хаосе, один,
Услышишь рокот, ропот, ветер:
То всплачет горький мой помин.

В огне Бетховенской сонаты
Запенится волной прилив:
Знай,—это к светлому возврату
Мой дальний, трепетный призыв.

Когда ж рукою справедливой
Вонзится в это горло нож,
Я наклонюсь плакучей ивой
Сокрыть твою земную ложь.

Умер сегодня мой царевич.

А. Ахматова

В щелку гляжу дверную
(Ко гробу не пустят меня).
Вижу—в уста целует
Тебя твоя родня.

Царевич мой, голубь, солнышко,
А мне-то, мне-то куда?
Ресницы твои как перышки
На щеках, что белее льда.

А земля-то убралась пышно
Ко дню твоих похорон;
Ох, не знает он, что он лишний,
Под окном моим красный клен.

Ох, не знает и солнце, верно,
Что погаснуть ему сейчас.
Брат мой ласковый, друг мой верный,
Царевич мой—погас.

Криком кричать нет силы,
Господи, отпусти.
Мне-бы хоть до могилы
Как нибудь доползти.

На чело твое лебединое
Посмотреть слепотой очей,
Как засыпят желтою глиною
Солнце моих ночей.

НЕВЕСТА ИУДЫ.

Погулять под серпом полумесяца
Вышла. Мерзкий шопот повсюду:
„Ишь, не знает, что нынче повесился
Жеиих-то ея, Иуда".

Стала белой, как смерть у Бога,
И припомнила:—утром, да,
— Приходил, постоял у порога
И ушел, не сказав куда.

„Милосердные люди, правда-ль,
Не играйте такой игрой!"
И сказали: „жених твой продал
Друга за серебро."

Побежала к рощице синей,
И ветер и шопот стих,
А на тоненькой там осине
Качается мертвый жених.

И завыла волчицей глухо,
Руки к мертвым подняв ногам,
И невеста стала старухой,
Поседелой, как месяц там...

Неужели Тебе так любо,
Ты, глядящий с горних высот,
Что человек человека любит,
Человек человека предает?!

Если, руки изранив стеклами,
С третьего этажа!—
—Только шорхнут листья поблеклые
От неслыханного мятежа.

Но, мечась под разбитыми окнами,
Рока не перекричишь.
Врубелевскими полотнами
Мировой не нарушить матчиш.

В ликовании, бешенстве, плаче,
В сумасшествии буйном своем
Справедливую жизней раздачу
Не в рыданий вместить водоем.

Революции, страсти, сугробы,
Каруселью несясь золотой,
Не поднимут крышки у гроба
Ни одной, ни одной, ни одной.

Так забудем-же сны и надежды,
Перестанем стихи писать;
Не ряди в голубые одежды
Молодую невесту, мать.

На заре растопчи ей сердце,
Ослепи синеву очей,
Расскажи, что земное солнце
Только маска смертных ночей.

И пусти ее нищей слепою
По полям российским бродить,
Чтоб не быть ей, как я, такою,
Такою смешной не быть.

Мячик из левой в правую,
Вниз, в потолок—вот так!
Это тебе на забаву я
Игрой укрощаю страх.

Это во имя твое я
Пойду в кабаках пропивать
Сердце свое шальное,
На сердце Божью мать.

И когда на чужой постели
Имя твое прошепчу,
Где нибудь снеговые метели
Хлестнут тебя по плечу.

Вспоминай, как была инфантой,
Как блудницей ушла в притон,
Как ты предал игрою в фанты
Благовещенья синий сон.

В ОПЕРЕ.

До кресел третьего ряда
Сердца Германа стук
Чрез музыкантов ограду
Стрелою летит из лука.

„Молнии заклиная,
Знаю, не будет моей,
Сам проиграю, знаю,
Стройную тройку червей."

В спальне упрямой старухи
Поднят пустой пистолет,
Рокочут в оркестре глухо
Воды отверстых Лет.

Женщина над канавкой,
Плакать нельзя, молчи.
Над роковою ставкой
Ветры скрестились, мечи.

В небо запущенный мячик·
Битою картой—раз!
„Пусть неудачник плачет“,
Не осушая глаз.

Мы же сидим прикованы
К третьему ряду кресел,
Кто-то музыкой кованой
Наше прошедшее взвесил.

Не штык в руке замерзающей,
Не горб кирпичей за спиной.
Ты, тяжести распределяющий.
Вручил мне цветок голубой.

Но легче обет молчания,
Или мрак бы глаза заткал.
Смертельно благоухание
Простого моего цветка.

Пальцы не разжимаются,
Дышать трудней и трудней.
Цветок этот называется
Любовию у людей.

Сменяю marche funèbre на польку
И с чуть надрывчатым смешком
Я ставлю на забвенья полку
Еще один закрытый том.

Когда-ж седой Психеи веки
Никто не станет целовать.
В моей смешной библиотеке
Я буду ночи коротать.

И том за томом я открою,
И в лепестках сухих страниц
Увижу, как жила игрою
Великолепных небылиц.

Лишь на одном обрезе узком
Застынет, дрогнув вдруг, рука,
И чей-то шаг неслышно хрустнет
Над штукатуркой потолка.

И опустив глаза в смятеньи
(Стирает ночь годин черты).
Узнаю милое виденье
Недовершенной красоты.

А утром все увидят в щёлку
(Не поднимусь на долгий стук)
Над мертвою—пустые полки
И томик маленький меж рук.

Не о тебе опять гремит Бетховен,
О, да, ты был прекраснее других,
Но Божий свет в людских глазах неровен,
И мал душе блистательнейший стих.

Опять широким всплеском вдохновенья
Невоплощенные шумят вдали крыла
Сквозь гарь костра—пустого сновиденья—
Опять плыву—с обломками весла.

Свистит октябрь. Похолодели росы.
Рыдай, Психея! Спи, моя Инес!
Я слышу с берега сквозь хор многоголосый
Гортанный голос слаще блеска звезд.

Не обернусь. Земная ложь истлела,
Земные голоса мне заглушили слух.
На берегу—распластанное тело,
В ладье изломанной—неутолимый дух.

Снова, и снова, и снова,
В тысячу первый раз
Блеск ледяного покрова
Размывают две капли из глаз.

Что это? Вещей гадалкой
Миру предсказанный крах?
Нет! Маргарита за прялкой,
Нет! Маргарита в слезах.

Дух человеческий темный,
Искатель небесных риз,
Перед окошечком скромным,
Фауст, остановись.

Вейте плащем широким
Мысли бренную пыль,—
Перешуршит все строки
Дымный, дымный ковыль.

Перед святой слепотою,
Зрячий, закрой глаза,
Перед любовью простою
Шляпу долой. Назад!

Снова, и снова, и снова,
В тысячу первый раз
Блеск ледяного покрова
Размывают две капли из глаз.

В сутолке вечернего трамвая,
В хрусте снега в пять часов утра
Я узнала, как смешна бывает
Самая большая из утрат.

Я узнала, что слова ненужны,
Если даже кровью залиты.
Дар словесный—жар души недужной,
И не враг и не помощник ты.

Вот лечу полузамерзшей птицей,
Очень ломит левое крыло.
Если есть Господь,—воздаст сторицей
Тем, кому от этого светло.

Ни Марсельеза, ни „Коль Славен"
Мне Реквием не заглушат;
Смотри: по старому изранен
Темно гранатовый закат.

Ломала руки Ариадна
Уплывшему Тезею вслед,—
— Волн океанских холод жадный
Не укротили сотни лет.

Все так же девушки и жены
Бросаются ничком на снег.
Все так же страшно прокаженным
Узнать, что счастье не для всех.

В миноре стихнет Марсельеза.
„Коль Славен" оборвется в миг:—
Прорежет воздух дик и резок
Над детским трупом женский крик.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

„Не пастушка и не Психея“ 3

I

Психея 7
„В огромную пропасть прошлого“... 8
Карусель 9
„Летите, летите зеленые долы“... 10
„Оттого, что в тень могилы“... 11
„Я рыбою на берегу“... 12
„А я отдам всю роскошь знаний“... 13
„А если ты любить не можешь“... 14
„Солнце—метель золотая“... 15
„Всхожу на мост“... 16
Качели 17
„Мы на мосту“... 18
Москве 19
Пушкину 20
Наталья Николаевна Пушкина 22
Два голоса 24
„Странный гость вошел внезапно“... . . . 26
„Стоишь, не поднимая глаз“... 28
А. Блоку I 29
„ II 30
Инеса 32
Портрет 34

II

„Каждому поэту—смертный час“. 39
„Пристальнее смотрите“. 40
Любовь 41
„Рыдайте флейты, виолончели“. 43
Клара Милич 44
„На всех путях твоих“. 46
„В щелку гляжу дверную“. 47
Невеста Иуды 49
„Если, руки изранив стеклами“. 51
„Мячик из левой в правую“. 53
В опере 54
„Не штык в руке замерзающей“. 56
„Сменяю marche funèbre“. 57
„Не о тебе опять гремит Бетховен“. . . . 58
„Снова, и снова, и снова“. 59
„В сутолке вечернего трамвая“. 60
Ни Марсельеза, ни „Коль Славен“. 61

„Каждому поэту—с
„Пристальнее с
Любовь .
„Рыдай-
Кла-

5 =
1200/25